

РАССКАЗЫ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПОДСТОЛЬЕ

Она появилась из ниоткуда, большая и громкая, закутанная будто в чум, а вместо волос на ее голове красовался пышный ком сахарной ваты.

Федька чихнул дважды. Ее резкий сладковатый запах продирает нутро.

— Явилось лох-несское чудовище! — рассмеялась она, завидев в зеркале собственную шевелюру.

Скинув с плеч безразмерный чум, она с ухмылкой, напоминающей оскал, протянула его папе. В его руках чум походил уже на вигвам. В мгновение ока гостья сунула руку куда-то внутрь одеяния и извлекла оттуда коробку «Птичьего молока».

— Это вам! — прогремела гостья и протянула конфеты маме.

Мама благодарно кивнула и, распечатав коробку, подложила ее крышку под дно.

Федя просяще протянул руки к конфетам.

— Только одну, — сказала мама.

Одну так одну. Но руки было две, и каждая схватила по одной.

— Я сказала — одну, — строго напомнила мама.

Не зная, что ему делать, Федька попытался, поочередно запихнув конфеты в рот, и вытер ладони о шорты. Довольный своей проделкой, он показал язык.

Гостья словно громом разразилась. Федя увидел смеющуюся пасть, усыпанную кривыми рядами клыков, по которым лениво стекала слюна. Ядовита она или нет, он не знал. Но сомнений не было: коснись его хотя бы капля, ему несдобровать.

Он закричал и прижался к маме.

— Ну чего ты испугался? — спросила мама. — Пойдем в комнату лучше.

Это был зал, посередине которого стояли большой стол и высокие стулья. Федька забрался на один из стульев. Посреди стола располагалась жареная курица, затем лежали тарелки с копченой рыбой и разнообразными бутербродами. Маленькими дырками смотрели на него ломтики сыра, огромными блюдами громоздились салаты, а небольшие прорехи между яствами занимали высокие разноцветные бутылки.

Сладостей не было, и Федя тут же потерял интерес к столу.

Квартира была чужая, но многое в ней напоминало о доме, где жили и они. Стену украшал ковер, узорчатый, как папин галстук. У окна лучился голубым светом пузатенький телевизор с салфеткой сверху, на ней занимал место кассетный магнитофон. Тут же возвышались шкафы. Их полки занимали книжки, фотографии незнакомых беззубых детей и белые слоники. Одного такого Федька как-то раз дома разбил.

Он сделал несколько шагов по длинному коридору и замер у одной из дверей. На ней улыбался и писал в ночной горшок голенький мальчик.

— Мама, иди сюда! — крикнул Федя.

— Что ты увидел? — спросила мама.

— Смотри! Мальчик плохо себя ведет!

— Это просто такая чеканка. Пойдем лучше с дядей Сережей поздороваемся.

Почему-то мама ни капельки не возмутилась тому, как беззастенчиво вел себя мальчик. Фedyке всыпали бы за такое поведение по первое число, и потому он затаил на чеканку обиду.

Вместе с мамой прошли в прихожую, и он застыл от ужаса. Перед зеркалом крутился Мужчина с бледно-розовым воздушным шариком вместо головы. Он водил расческой по чистой гладкой поверхности шара, на которой играл блик комнатной лампы. Из-за его спины появилась Серебристая тетья. Ее серое платье, волосы и стальные зубы переливались на свету холодным мертвенным блеском. Тяжелой поступью прошагал к Фedyке исполинских размеров Красный человек и протянул Фedyке ладонь размером с лопату.

— Здорово, племяш! — прогрохотал великан. — Не узнал меня? Это же я — дядька твой!

Фedyка тарасился на Чужаков. Они отвечали ему немигающим взглядом и говорили странные, непонятные слова:

— Ко-пи-я-от-ца-ко-пи-я-от-ца.

— Глаза зеленущие — ты взял их у мамы.

— Кучерявый! С твоей головой бегал папа, когда у него было Время.

Губы задрожали, он приготовился плакать, если Чужаки не исчезнут сейчас же. И выкрикнул во весь голос:

— Это мои глаза! Это моя голова!

Мама взяла его за руку, и они зашагали куда-то вперед. Прошли сквозь череду запутанных коридоров, некоторые заканчивались тупиком. Миновали несколько закрытых дверей. Взглянув на них, Феде тотчас же захотелось исследовать содержимое комнат.

В конце концов они оказались в просторной Светлой комнате. Стены украшали плакаты: дядьки в черных костюмах с зачесанными назад волосами смотрели на Фedyку ясными глазами, под потолком парили в воздухе самолеты, а в углу комнаты стоял шкаф, набитый игрушками. Сокровищница! Машинки и вертолетики, пистолеты, автоматы, роботы, солдатики, музыкальный телефон, пружинка-радуга и водная игрушка с колечками.

Возле шкафа крутился мальчик, одетый в футболку с телепузиком. Уши мальчика смешно оттопыривались, словно у обезьянки. Он подпрыгивал и тянулся за автоматом на верхней полке. Рядом переминалась с ноги на ногу девочка в светлом сарафане и двумя косичками на белокурой голове. Она с упоением баюкала в руках куклу, которая сонно хлопала голубыми глазами.

Мальчик оглянулся на Федю, вынул из носа козьявку и размазал ее по футболке.

— Поиграй с двоюродными братиком и сестричкой, — наказала мама и покинула Светлую комнату.

Федя не сводил взгляд с сокровищницы.

— Как тебя зовут? — спросил лопухий.

— Федя. А тебя?

— Дима.

— А ты кто? — спросил Федя у девочки.

— Ая, — тихо ответила она.

Дима подпрыгнул и дотянулся до автомата, но уронил кубик Рубика. Игрушка упала, громко ударилась о пол, и несколько цветных квадратиков откололись. Мальчик не обратил на это внимания, послал автоматную очередь в плакат на стене и забегал по Светлой комнате. Ая указала пальчиком на музыкальный телефон, жалостливо по-

смотрела на Федю. Он взял игрушку с полки, протянул девочке. Сам же заметил фигурку бионикла.

Из-за двери слышались голоса Чужаков:

— Вздрогнули! Будем! Лю-юд! Ко-ко-ко? Оль, мне чуть-чуть. Я с трудом добралась! Хо-хо-хо! Сегодня — ни-ни! Ножка или крыло? Кому сказала: «Огурец малосольный!»

Дверь распахнулась, и на пороге возник толстяк. Он был намного длиннее и шире Феде и вполне мог сойти за взрослого, отчего хотелось назвать его «дяденькой». И все же он не сидел сейчас за столом с Чужаками, а недобро косился на автомат в руках Димы.

— Привет! — поздоровался Дима. — А тебя как звать?

— Костя, — буркнул упитанный мальчик. — Короче, мелюзга! Сломаете мои игрушки — на ремни порежу. Усекли?

Федя и Дима ответили хором:

— Да, дядя Костя!

Дима от души поковырялся в носу и схватил игрушечный автомат грязными пальцами. Ая затрясла музыкальный телефон так, словно собралась вытряхнуть из него все ноты. А Федя уронил на пол фигурку бионикла, и какая-то деталь отлетела.

— Э, бандиты, але! — схватился за голову дядя Костя. Нагнулся, чтобы поднять бионикла с пола, и заметил квадратики кубика Рубика. — Вы че, пацаны, вообще, что ли?!

Он вырвал из рук Димы автомат, погрозил кулаком Феде. Ая сама отдала телефон. Прижала к себе куклу, словно боялась, что дядя Костя ее отнимет.

— Сего ты крисись? — спросил Дима. — Се тебе, жалко, сто ли?

— Мы тоже хотим поиграть! — сказал Федька.

— Цыц, мелюзга! Все! Базар закончился!

Без игрушек сделалось скучно. Дима плюхнулся на пол и с наслаждением почесал коленку. Ая закрыла кукле глаза и приложила указательный палец к губам: «Тс-с!»

— Давайте играть в прятки? — сказал Федя.

В глазах Димы зажглись огоньки.

— Я хосю в прятки! — сказал он.

— И я, — добавила Ая.

— Чур, ты водишь, — кивнул Федька Диме.

Мальчик согласился, и ребята вышли из Светлой комнаты. Отвернувшись лицом к стене, Дима замер, а Федя и Ая разбежались в разные стороны. Федька хотел проشمыгнуть мимо гостиной, где собрались Чужаки, но заметил кое-что.

— Руки у нас не пустые! — воскликнула за столом Серебристая тетя. — Прими в дар туалетную воду!

В руках появилась маленькая ярко-синяя коробочка, переливающаяся на свету. Из нее Серебристая тетя вынула прозрачный флакончик с водой. Тогда Федька решил, что вернется домой, наберет из унитаза воду в бутылочку и подарит папе. Только надо придумать, где взять такую же красивую упаковку.

В подарке была какая-то тайна, как и во всем, что касалось взрослого мира.

— Что ты делаешь? — спросил он однажды у мамы.

— Ценник отклеиваю, — сказала мама.

— Зачем?

— Нехорошо дарить вещь, если на ней виден ценник.

— Почему?

— Ну... Потому что так не принято.

— Кем не принято?

— Не принято, потому что некрасиво так делать.

— Почему некрасиво?

— Никто не дарит подарки с ценником! Человек может обидеться, если увидит ценник. Принеси лучше ножницы — никак не могу оторвать наклейку.

Федя представил тогда, как одаряемый взрослый заревел бы и затопал ногами:

— На коробке некрасивый ценник! Не хочу, не буду эти конфеты! Вы испортили праздник, уходите домой!

Это напомнило ему, что где-то там, на столе Чужаков, должны быть конфеты «Птичье молоко». Он отогнал от себя эту мысль. Сейчас нужно было найти, где спрятаться.

Перед ним выросла белая дверь. Он толкнул ее и оказался в долине, прохладной и сумрачной. Пейзаж был скуп на краски. Лунный свет, рассеянный по необъятному простору, освещал обширный потолок светлого неба, увядающую березу и одинокий валун, на котором ночевала настольная лампа с голубым абажуром. Мшистая поляна под ногами пружинила и резко выделялась белизной. Впереди, на высоком холме, возвышались шалаши, вигвамы и тот чум, в котором пришла Гостья с сахарной ватой на голове.

Вскарабкался на холм, он юркнул в юрту. Она пахла усталым взрослым, который только вернулся с работы. Федька перебрался в вигвам, где пахло сладостью, пусть и не такой удушливой, как от таинственной Гостьи. В вигваме он почувствовал, что вспотел, и перелез в шалашик полегче. Его же стенки его сохраняли дух стирального порошка. Вот здесь было уютно.

— Федя-я! — звал его Дима. — Федя-я, ау-у!

Федька, задержав дыхание, чтобы себя не выдать, вслушивался в каждый Димкин шаг и боялся пошевелиться. Скрипнула дверь, значит, Димка отправился в другую комнату.

От радости Федька широко улыбнулся и хлопнул в ладоши.

— Ты что это делаешь на моей кровати? — вдруг проскрипел чей-то голос. — Зачем залез в одежду гостей? Вдруг порвешь кому-нибудь курточку или шубу испачкаешь?

Колючие руки схватили его и вытащили наружу.

Он увидел, что его держит сухими ветвями Древесный человек. Лицо Чужака было сморщенное и узловатое, взамен рта зияло дупло, а вместо носа торчал сучок.

— Ма-ма-а! — закричал Федька.

Крепко зажмурил глаза. Его куда-то понесли, и он полетел сквозь лабиринт коридоров, но вскоре понял, что снова стоит на ногах в Светлой комнате. Вытерев глаза, увидел перед собой Димку.

— Наšli тебя, да? — улыбнулся мальчик.

Дверь в комнату распахнулась, и незнакомая Женщина с розовыми ногтями привела Аю.

— В шкаф забралась, хулиганка.

От нее пахло чем-то приторным, шоколадным, и Федя вспомнил о конфетах.

— «Птичье молоко», — произнес он, когда Женщина вышла из комнаты.

— Сто-сто? — спросил Дима.

— Пойдем — хочу «Птичье молоко». Оно там — на столе.

Дима взглянул на Аю:

— Ты с нами?

Девочка кивнула.

Ребята подошли к дверному проему, возле которого хрустел костяшками пальцев дядя Костя. Он посмотрел на Федю, перевел взгляд на Диму и, почуввав неладное, нахмурил темные брови. В этот миг он до того походил на сторожевого пса, что Федя даже огляделся по сторонам, не лежит ли на полу какая-нибудь палка, которую можно было закинуть подальше, чтобы толстяк погнался за ней.

— Выпусти, — попросил Федя.

— Не-а, — помотал головой дядя Костя. — Мне сказали — вас охранять, мелюзга, а то снова куда-нибудь заберетесь!

Федя, Дима и Ая воскликнули хором:

— Ну пожа-алуйста...

— Осень нада!

— Мы конфет принесем.

— «Птисье молоко»!

— Мы никуда не залезем!

— Сесно-сесно!

Толстяк сжал мясистые пальцы в кулаки и оскалил зубы. Федька с Димей отступили, но Ая не сдвинулась с места.

— А-а-а! — закричала она тоненьким голоском. — А-а-а-а!

Дядя Костя закрыл уши руками, зачем-то зажмурил глаза. Но голосок Аи зазвенел сильнее, сильнее...

И он сдался. Сделав вид, что плюнул, махнул на ребят рукой.

— Ладно, мелюзга, валите. Неохота мне с вами возиться. Только давайте в темпе! Метнитесь туда и обратно!

— Молодца, Ая, — сказал Дима, когда ребята вышли из комнаты.

На цыпочках Федя, Дима и Ая пробрались к гостиной. Оттуда тянуло душной усталостью, копченым сервелатом и лимонадом для взрослых. Ребята притаились возле дверей и стали тихонько подсматривать.

Что-то стряслось с Чужаками, понять разговоры стало труднее.

— Да-а-арога-ай дли-инною да ночью лунною!..

— Заррруби на носу: этот — он наведет порррядок! Этот — он тебе не тот, что пррродал и пррредал!

— Он — перепел и с балкона вылетел, а жена из-за него почему страдать должна?

— Я прошу сюда внимания! — гаркнул Красный человек, мокрое лицо которого напомнило спелый помидор. — Дайте слово человеку пусть сказать!

Из-за стола поднялась Печальная тетенька с тучкой на голове. Взволнованно, девчоночьим придыханием заговорила:

— Широкая душа собрала нас за одним столом. Человек помог пережить Трудное Время. Если бы не он, то все бы мы, не дай-то бог, но давно бы уже!

Тетенька с тучкой прикоснулась губами к коре Древесного человека. В ответ он обнял ее сухой веткой. По узловатой щеке пробежала слезинка и исчезла в поросли мха под носом-сучком.

Заиграла музыка на магнитофоне, и Чужаки побежали беситься. Серебристая тетя закружилась, звонко расхохотавшись. Мужчина с головой-шариком прыгал вокруг Гости с сахарной ватой, словно хотел откусить кусочек. Даже Древесный человек топтался на середине комнаты и взмахивал ветвями.

За столом остался один лишь Красный человек.

— Пора! — махнул рукой Федька.

Шепотом изложил ребятам план. Дима кивнул головой, Ая замялась.

— Справисся? — Дима внимательно посмотрел на нее.

Девочка тяжело вздохнула и опустилась на четвереньки. То же самое сделали мальчики. Федька пополз первым. Убедился, что Чужаки не смотрят, и юркнул в Подстолье. Дима последовал за ним. Ребята оглянулись и замахали руками Ае, призывая ее следовать за ними, и скорее. Медленно-медленно Ая заползла в Подстолье вместе со своей куклой, и мальчишки облегченно выдохнули.

Перед ними открылся целый мир неизведанного и опасного. Темная небесная твердь Подстолья опиралась на тонкие деревянные ножки. Федька показал на них пальцем и аккуратно отполз в сторонку, как бы сообщая: «Затронете опоры, и небо над нами

схлопнется». Дима кивнул и прижался ближе к Феде, дабы ненароком не задеть подпорку. Ая вдруг покачнулась, но Дима успел схватить ее за платице. Зыркнул на нее строго, Ая ответила виноватым взглядом.

Впереди виднелись безобразные ноги Чужака. Угольно-черные носки скрывали толстые великаньи пальцы. Через тонкую ткань уже различался оранжево-желтый коготь. Большой палец просился наружу. Лапы великана источали дурманящий смрад. Ая закрыла руками нос и умоляюще посмотрела на Федю. Он глубоко вздохнул через рот, и ребята последовали примеру. Старались не дышать носом, осторожно ползли.

Не успели миновать препятствие, как впереди возникло другое: перед ними выстроились бутылки из цветного стекла. Великанья рука опустила на землю еще одну бутылку, и она звякнула о стекло других.

Лимонад был таким же загадочным, как подарок Серебристой тети. Федя любовался мутно-зеленым стеклом, разглядывал пенные лимонадные остатки на дне. Волшебная жидкость превращала взрослых в детей. Этим вечером они были не хмурыми и скучными, наоборот, им хотелось плясать и прыгать, говорить глупости и хохотать над чем-то своим, смешным только для них. Ему не разрешали делать ни единого глоточка их лимонада, и Федя не понимал почему.

Федька указал на пустую бутылку: осторожно! Ползком, ребята, ползком. Смотрите не опрокиньте.

Пустая посуда осталась за их спинами. Дима спросил Федю взглядом, скоро ли они найдут угощение. Федя задрал голову на небесную твердь. Оно там, наверху. Надо только поймать мгновение.

Хоть бы Красный человек исчез. Лишь бы их не заметили в царстве Подстоля.

— Таня! — послышался голос. — Таня, ты где?

— Мама-а! — закричала Ая в ответ. — Не теяймея, я пйясюсь!

Раздался топот великаньих ног, задрожала земля. Волосатые лапы утащили Диму. Огромные руки с розовыми когтями сцапали Аю и ее куклу. Федя почувствовал, как великан схватил его за подмышки.

Красный человек вытащил его из Подстоля и усадил на колени.

— Эй, племяш! Ты что там забыл?

Федька не ответил. Его план провалился, но среди объедков и грязной посуды он увидел «Птичье молоко»: осталась единственная конфета. Он потянулся за ней, но не смог достать. Великан протянул ему угощение. Федька разломил конфету на три части, свою сразу съел. Во рту сделалось сладко, и он указал на лимонад в стеклянном стаканчике.

— Хочешь попробовать, что взрослые дядьки и тетки пьют? — хмыкнул Красный человек. — Ну, будь по-твоему! Прополощи горло и выплюнь.

Федя заглянул в стакан с лимонадом: крошечные пузырьки воздуха поднимались со дна и лопались. От напитка шел странный запах, и Федька поднял взгляд на Красного человека. Великан ответил улыбкой на широком лице и хитро прищурился.

Отпив немного, Федя выплюнул и скривил лицо. Схватил салфетку, вытер язык как следует.

Все стало понятным: лимонад превращал взрослых в детей, а детей делал взрослыми. Но становиться взрослым горько. Взрослые хмурились, когда возвращались с работы. Ругались, когда видели по телевизору скучных дяденек в костюмах и галстуках. Не любили мультики, не раскрашивали раскраски и не играли в машинки и кубики. И о чем-то все время думали, думали, и мысли эти отнюдь не делали их счастливее.

— Это пьют не ради вкуса, — произнес Красный человек. — Вырастешь, и поймешь. Хотя лучше бы ты этого так и не понял. Иногда лучше не начинать. Потому что не знаешь потом, как закончить.

Великан помолчал немного.

— Только мамке с папкой не говори, чем тебя дядька поил. Не выдавай дядьку-то своего. Все, гуляй!

Он опустил Федьку на пол и отдал ему остатки конфеты. Федя решил отыскать Диму и Аю, но перед этим сделать еще кое-что. Только забыл он, где видел писающего на двери мальчика.

Бродил из комнаты в комнату и петлял по коридорам, натыкался на двери. Толкал их и встречался с темнотой, недружелюбной, как голодный волк. С каждым поворотом терял надежду найти заветную комнату, не решался позвать маму.

Куда-то свернул и остановился, почувствовал смутно знакомый запах дыма. Он помнил его по снам, в которых кутался в «олимпийку», стоя на перроне, и вглядывался в провода и железные конструкции, шпалы и рельсы, а потом долго слушал, как стучит колесами поезд.

Он заглянул в темную комнату, вдохнул прохладный воздух. Увидел папу и Древесного человека у подоконника, чью поверхность занимали кофейная банка, электрическая зажигалка и цветочный горшок. В нем жил крохотный укоренившийся старичок, согнутый в три погибели, чахлый и растерявший почти всю растительность на макушке.

Мужчины склонили головы над кофейной банкой. В нее Древесный человек стряхивал труху с тлеющей палочки, которую зажал тонкими веточками.

Как замороженный, Федя следил за огоньком и слушал, что говорил папа.

— Семьдесят — это что? Старость, что ли? Фигня это, слышишь?! Дочь-хозяйка вон какой стол накрыла! Костя как вымахал! Не внук — загляденье! Жить да радоваться надо!!! Ты понял, да?

Кто-то появился за спиной и положил руку ему на плечо. Обернулся и увидел маму.

— А ты что здесь делаешь? — сказала она. — Простынешь! Форточка вон открыта. А в руках что? Осспади, опять ты этой конфетой измазался! Почему сразу не съел?

Вдвоем они добрались до ванной. Пока журчала вода, Федя сбивчиво и торопливо рассказывал маме про фигурку бионикла, которую увидел у дяди Кости, про долину шалашей и вигвамов, и о том, как его сцапал Древесный человек, и про Подстолье, где он оставил новых друзей.

Мама вытерла его руки и лицо полотенцем, и они вышли в прихожую.

Чужаки толпились и хором кричали друг другу:

— У-ух, позззорище! Говорила тебе: «Огурец малосольный!»

— Не навернись в подъезде! Лампочку выкрутили, сволочи...

— О-о-ольга, Времени больше нет — такси прибыло!

— Спасибо вам, все! Живы будем — не помрем!

— На посошок!

— Я тте дам посошок!

Мама надела на Федю его пуховик и шапку. Он ждал долго-долго, но ничего не происходило — папа все разговаривал и разговаривал с Чужаками. Стало жарко, и Федя вышел в темную прохладу подъезда. А папа все никак не хотел уходить. Федя потянул его за рукав куртки:

— Папа, пойдем домой? Па-а-апа!

— Что?

— Пойдем домой?

Вспомнилось, когда было тепло и солнечно, папа звал Федьку домой из песочницы, а Федька никак не хотел уходить. Теперь же, в холодной ночи, они поменялись ролями, и причиной тому был горький сказочный лимонад.

И они брели по заснеженным улицам — Федя, мама и папа. Снег скрипел под ногами и искрился в свете уличных фонарей.

— Я себя хорошо вел? — спросил Федя.

— Хорошо.

Он смотрел, как порхали снежинки. Вдыхал чистый прохладный воздух. Думал: купит ли мама «Птичьего молока» по дороге домой, найдет ли он Аю и Диму, когда вернется в Подстолье. А еще — где отыскать ту самую синенькую коробочку.

БУКЕТ ИЗ ПЕРЬЕВ ЖАР-ПТИЦЫ

— Папа, почему часы не идут?

Солнце пригревало, ласковый ветер приятно шевелил волосы. Откуда-то лился душистый, едва уловимый запах черемухи, слышались негромкие разговоры прохожих и шум проезжающих автомобилей.

Федя не сводил взгляд с ослепительно-белой стены часовой башни. На огромном голубом циферблате длинная стрелка замерла у палочки и кружочка, напоминавшего бублик, а короткая указывала на перевернутый стул. Фасадная штукатурка потрескалась, местами осыпалась и обнажила старые кирпичи.

Однажды папа рассказал, что высокий шпиль на верхушке башни когда-то украшала модель атома. Это был серебряный шар, к которому металлическими прутьями крепились шарики меньшего размера. Потом модель бесследно исчезла.

Папа взглянул на циферблат:

— Ничего удивительного. Это ведь не только башня с часами, но и жилой дом. Представляешь, что чувствовали жильцы, которые целыми днями слушали тиканье стрелок и вращение шестеренок? А ведь часы еще и били время от времени! Вот жильцы и посодествовали поломке.

Мама поправила висящую на плече сумку и посмотрела на башню:

— Возможно, что обитатели дома не виноваты, — сказала она. — После того как медведь сломал теремок, наступило такое Время... как бы тебе объяснить...

Немного подумав, она продолжила:

— В общем, жителям поселка стало не до часов. Никто больше не следил за часовым механизмом, колесики с шестеренками пришли в негодность. Часы перестали идти, а Время замерло в стрелках и превратило башню в памятник былой красоте поселка.

Федя знал, что они жили в рабочем поселке под названием Чудь. Иногда родители уточняли, что Чудь — не просто поселок, а непременно городского типа. В этих словах звучало оправдание.

Ему нравилось место, где он родился и жил. Бывало, зимние вьюги наметали сугробы величиной с дома, и Федя вместе с другими ребятами бежали играть в царя горы. Весной улицы превращались в бурные реки, а ребятня — в капитанов парусных кораблей. Летом же довольные мальчики и девочки наблюдали за сгорающим в лучах солнца тополиным пухом, который мягкой подстилкой покрывал аллеи и переулки, чтобы осенью уступить место ковру опавших листьев.

Поселковую тишину часто нарушали лай бродячих собак да протяжные гудки товарных составов. Выкрашенные в красно-белые полосы, трубы на горизонте дымили ночью и днем. Это был химический завод, где трудились жители Чуди. Федя частенько провожал папу и дедушку до заводского автобуса, которым была огромная буханка, остекленная светлыми окнами. Со временем возникла убежденность, что жизнь в поселке теплилась лишь благодаря дымящим трубам.

— Папа, когда прилетит Жар-птица?

— Чутьочку терпения, уже скоро.

- Мы ее не пропустим?
- Не волнуйся. Ближе к ночи она появится над поселком и махнет крылом.
- Не обманываешь?
- А я когда-нибудь тебя обманывал?

Федя помотал головой.

- Но ты должен мне кое-что обещать, — сказал папа.
- Что?
- Вести себя хорошо и нас с мамой слушаться.

И папа взъерошил его кудри.

Миновали башню с часами, прошли заброшенную таверну, деревянная дверь которой была закрыта на дубовый засов, и продуктовый магазин с вывеской, где не хватало букв. И оказались на аллее с пышными, давно не стриженными кустами акации.

Навстречу шла девушка.

Ее босые ноги бесшумно ступали по асфальту, покрытому мелкими трещинами. Движения выходили неестественные, изломанные, будто каждый шаг причинял боль. На лице застыло странное выражение, которое никак не вязалось с походкой: задумчивое и сонное, но одновременно радостное, словно девушка тоже надеялась повстречаться с Жар-птицей. Густые белокурые волосы и складки легкого голубого платья развевались на ветру. Она была сильно моложе родителей Феде, потому назвать ее взрослой не поворачивался язык.

Девушка поравнялась с мамой и папой и негромко сказала:

- Помогите, пожалуйста.

Незнакомка смотрела куда-то перед собой, будто припоминая, кто она и куда держит путь. Федя чувствовал едва различимый сладостный запах, похожий на аромат цветущей черемухи.

- Прошу, помогите.
- Что стряслось? — спросила мама.
- Как мне выйти на Ленину улицу?

Папа стал объяснять дорогу. Девушка несколько раз кивнула рассеянно и задумчиво. Выражение ее лица не позволило Феде понять, запомнила ли она что-нибудь из папиных слов.

Забыв поблагодарить папу, незнакомка отправилась своей странной походкой дальше. Сделав несколько шагов, обернулась и нервно заломила руки.

— Будь осторожен, мальчик, не доверяй красной сумке, — сказала она, — это всего лишь мираж, он мигом рассеется на ветру.

Еще долго Федя провожал ее взглядом, но Босоногая девушка больше ни разу не оглянулась.

- Почему тетя сказала мне бояться маминой сумки?

Папа пожал плечами, а мама велела не обращать внимания.

Вскоре они пришли в парк «Сокольники». Сегодня здесь было особенно шумно илюдно, раздавались детские крики и смех. По краям узкой петляющей тропки стояли старые, будто вросшие в землю скамейки, занятые пожилыми людьми. В траве приветливо рассыпались желтые цветочки: весенние солнышки, что красовались не в небе, а на земле.

Федя сорвал одно солнышко. Стебель был шершавым, не очень приятным на ощупь. Поднес пушистый ярко-желтый цветок к самому носу и как следует втянул. Аромат впечатлил нежной сладостью. Вспомнилась банка благоухающего янтарного меда, которую бабушка хранила в кухонном шкафу рядом с лимонной карамелью и коробочкой монпансье.

Мама и папа рассмеялись, глядя на его лицо. Федька попросил объяснить, почему они смеются над ним, и тогда мама достала из сумки зеркальце. В нем он увидел, что кончик носа сделался желтым.

— Как называются эти цветочки? — спросил он.

— Мать-и-мачеха, — ответила мама.

— Как-как? Мачимачиха?

— Да нет же! Мать. И. Мачеха.

Милый цветок окончательно сбил его с толку. Отчего сложилось такое название? Обращаясь к маме, Федя никогда не говорил «мать», это слово казалось ему черствой краюшкой хлеба. А уж «мачеха» из-за сказок, которые родители читали ему перед сном, и вовсе окрасилось в мрачные краски. Всегда злая и несправедливая женщина, которая по чем зря обижает ни в чем не повинную падчерицу.

По тропинке они прошли к деревянным домикам. Федька заскочил в бревенчатый красный теремок и ощутил себя хозяином сказочных владений. Помахал маме и папе из окна с голубыми ставнями и помчался к разноцветным пенькам. Мама взяла его за руку, и он сделал шаг, другой, третий.

Федька остановился возле пеньков, на которых, ссутулившись, сидели три мужика. Они напоминали шахтеров, отдыхающих после тяжелой смены. На лицах, чумазых, словно покрытых угольной пылью, различались только сверкающие глаза. Взгляд прожигал насквозь, посыпая сердце золой, а душу пеплом из обгорелых кусочков беззаботной радости.

Нечесанные седеющие волосы старшего дядьки торчали в разные стороны, у второго блестела лысина, обрамленная жидкими прядями рыжеватых кудрей, а на голове третьего была черная засаленная шапка, напоминающая носок.

Растопырив пальцы, седовласый несколько раз возмущенно потряс ладонями:

— Уселся медведь на крышу теремка, ну ты понимаешь!

Лысый безнадежно махнул рукой:

— Дык, елы-палы, и мышка, и лягушка, и зайчик, и лисичка тут же разбежались кто куда!

Шапка-носок смачно плюнул на половик из шелухи семечек и сигаретных окурков:

— Я вам так скажу, мужики. Теремок развалился, а кому от этого лучше стало? Кому, я вас спрашиваю?

Как зачарованный, Федька наблюдал за иссиня-красными огоньками, которые загорались у дядек прямо на языках. Огоньки тотчас же затухали, едва он успевал их заметить, а потом появлялись вновь.

Мама потянула его за руку и увела от мужиков.

— Это нехорошие огоньки, — сказала она, — тебе они не нужны.

— Но я тоже хочу такие на языке! Можно?

— Нельзя, — сказал папа.

— Почему?

— Жар-птица не прилетит. Ты обещал себя хорошо вести, помнишь?

— Помню.

Вышли на главную площадь, и Федя ахнул от удивления. Он не припоминал, когда здесь в последний раз собиралось столько народу. Шумный людской поток наводнял площадь, разбиваясь на множество небольших ручейков.

Неспешно бродили старики и старушки, искали свободные лавочки. У одной женщины он заметил пух одуванчика вместо волос и немало удивился, когда порыв ветра почему-то не сдул его с головы.

Парень, лицо которого облепляли божьи коровки, держал за руку миловидную девушку и что-то рассказывал ей голоском, удивительно нежным для такого крупного тела, а девушка отвечала ему серебристым хихиканьем.

Малышня бежала к огромной надувной горке, скидывала сандалии, карабкалась по ступенькам, скатывалась и верещала от восторга.

Столпотворение было возле дощатой сцены у здания, которое взрослые называли Дворцом. При слове «Дворец» в мыслях Феди всегда возникали округлые купола башен, принцесса на балконе одной из них и некто, летящий к ней на ковре. Но поселковый Дворец выглядел совсем иначе: строгий, с рядом массивных колонн и треугольной крышей. И все же сегодня вокруг него и вправду творилось чудо: на сцене сутились какие-то дядьки в синих комбинезонах, устанавливали колонки, настраивали прожекторы.

Дойдя до середины площади, Федька потрогал шершавый невысокий постамент, пространство возле которого занимали четыре обшарпанные скамейки. Папа рассказывал, что когда-то на постаменте жил отлитый из бронзы мужчина и провожал взглагом автобусы, уезжающие на завод. Бронзовый человек куда-то исчез в то же Время, когда в поселке перестали идти часы.

— А человек был раскрашенный?

Отчего-то папа удивился столь очевидному вопросу.

— Нет, конечно, — ответил он.

— А-а, — протянул Федька, — тогда ясно. Никто его не раскрасил, вот он обиделся и ушел.

Словно из ниоткуда на площади появились торговые палатки в бело-голубую полосу. Воздух пропитался всевозможными ароматами: рядом, истекая соком, шкворчал на мангале шашлык, неподалеку выстроилась очередь за карамельным попкорном, а чуть дальше продавали сахарную вату. От столь благоуханной симфонии потекли слюнки.

— Папа, хочу шашлык! — сказал Федя.

— Неизвестно еще, из какого мяса его здесь делают, — ответил папа, бросив неодобрительный взгляд на палатку с мангалом. — Мы с тобой сами шашлык приготовим, договорились?

— Когда?

— Да хоть завтра!

— Тогда купи сахарную вату.

Будто в ответ из палатки со сладостями послышался звонкий голос:

Словно бурное торнадо,
Звезд эстрады нам встречать!
Подкрепиться прежде надо,
Чтоб весь вечер танцевать,
На концерте веселиться,
В хороводе закружиться!
Эй, прохожий, налетай,
Сладку вату покупай!

Они заглянули в палатку, где двое черноволосых мальчишек, похожих друг на друга как две капли воды, выпрашивали у родителей сладости. Продащица оказалась пышной блондинкой в белоснежном халате и таким же платком на голове. Федьку впечатлили ее глаза, ясные и светлые, напоминающие голубые льдинки в свете апрельского солнца.

Женщина протянула Федьке маленькое небесное облачко, пойманное на палочку. Надкусил, и сладость мигом растаяла на языке, а пальцы прилипли друг к другу. Продащица наклонилась, чтобы дать салфетку.

— Если доверишься теплой руке, то найдешь выход из лабиринта, — прошептала она в самое ухо, — и тогда посреди ночи наступит день, а небосвод превратится в клумбу. Успей загадать желание до того, как завянет последний бутон.

Федька уставился на нее во все глаза, а Продавщица, подумать только, улыбнулась и подмигнула ему.

Хотел спросить, что означают эти слова, но родители поторопились выйти из палатки. Федя поспешил за ними и услышал вслед залихватистый голос:

Чтобы встретиться с Жар-птицей,
 Всем нам нужно подкрепиться!
 Житель Чуди, не зевай,
 Сладку вату покупай!

Мама и папа решили пойти к Дворцу культуры. Приходилось протискиваться через людскую толпу, которая постоянно двигалась туда-сюда, а из глубин ее раздавались смешки, восторженные крики и раскатистый хохот. Чем ближе к сцене, тем теснее, и папе уже некуда было развести руки, когда он начинал что-то громко рассказывать маме. Федька старался прикрыть незащитное облачко сладкой ваты от тычков и взмахов сотен рук.

На сцене стояли дядьки в строгих костюмах и говорили в микрофон слова, утопающие в несмолкаемом гвалте. Федя слышал странные, порой непонятные обрывки фраз, повторяемые эхом:

— Приветствуем жителей поселка, елка, елка! Акционерная фирма «Химград», ад, ад! На сцене — гениальный директор, ор, ор! С Днем химика, мика, мика! С праздником, товарищи, ищи, ищи! Поздравляем, я ем, я ем! Ура, ура, ура-а!

Послышались электронные звуки, волнующие и динамичные, нарастающие в неистовом ритме потусторонней музыки. То была космическая мелодия невероятной красоты. На сцену выбежали трое парней в серебристых балахонах. Принялись странно, угловато двигаться, подскакивать, размахивать руками и ногами, словно сломавшиеся роботы. Свет прожектора загорался то зеленым, то синим, то красным, порой медленно затухая, а потом зажигаясь снова. Толпа перед сценой двигалась без остановки, ликовала и раскачивалась, и когда послышалась новая мелодия, все громко захлопали в ладоши.

Федька не заметил, как сахарная вата закончилась и в липкой ладони осталась одна лишь палочка.

— Я пойду мусор выкину, — крикнул он.

Никто его не услышал, потому он решил не вопить понапрасну, а сбежать к ближайшей урне и вернуться.

Неподалеку как раз был мусорный бак. Сунул в него палочку, облизал сладкие пальцы, а потом вытер руки о штаны. Обернувшись, увидел, как промелькнула красная сумка: мама отправилась по извилистому людскому коридору в самую глубь толпы. Он припустил вдогонку, стараясь не выпускать из виду яркую сумку, и вскоре преодолел расстояние.

Они свернули в боковой проход, прошли вправо, затем немного влево и вышли к центру площади, где возвышался пустой постамент.

Мама обронила салфетку. Подхваченная потоком ветра, салфетка описала пару изящных кругов и приземлилась на асфальт.

— Мама, ты бросила мусор на землю! — сказал Федька.

Она не обратила на него внимания. Тогда он потянул ее за водолазку. Обернувшись женщина оказалась ему незнакомой: заметно выдающийся вперед подбородок, нос, похожий на клюв, и тяжелые веки, густо намазанные синими тенями.

Женщина взглянула на Федю, и ее без того вытянутое лицо вытянулось еще сильнее.

— Чего тебе, мальчик? — сказала она низким голосом.

Федька попятился и наткнулся на кого-то спиной. Холодным, чуть презрительным взглядом темных глаз она смерила его с ног до головы и, усмехнувшись, произнесла:

— Посмотрите на него — молчит, будто воды в рот набрал! Ты что, немой?

— Не твой! — выкрикнул он и юркнул в первую попавшуюся галерею.

Несколько мгновений двигался прямо, не обращая внимания на толкотню, и очутился у развилки. Решил идти вправо, но быстро уткнулся в тупик. Развернулся и в новом открывшемся ходе остановился перевести дух.

Громкая музыка и голоса людей внушали тревогу, от которого терялся дар речи. Остаться на месте не хотелось, и он решил исследовать путь по правую руку.

Долго шагал в выбранном направлении, осматривая каждый новый проем, не мелькнул ли мама и папа, бабушка и дедушка, тетя Наташа, хоть кто-нибудь. Но в толпе не встречалось никого из знакомых ему людей. Кто-то чуть не залепил ему затрещину. Федя увидел старуху, под носом которой чернела расческа. Будто отгоняя от себя мошкарю, она взмахивала одной рукой, а второй опиралась на изогнутую клюку. Метнулся от нее в сторону. Наступил на кроссовки одетого в спортивный костюм парня с бычьей головой, покрытой густой лоснящейся шерстью. Полубык-получеловек резко дернулся всем телом, и несколько капель лимонада из жестяной банки в его руке выплеснулись на асфальт. Брызги едва не долетели до сандалий Феде.

Сувив маленькие, налитые кровью глаза, чудовище фыркнуло, выпустив из ноздрей струи смрадного пара.

— Смари, куда прешь! — рявкнуло оно.

Впереди маячил узенький лаз. Федька помчался туда изо всех сил и чуть не влетел в толстое пузо мужика в свитере с ромбиками. Дядька расхохотался столь оглушительно, что зашелся в приступе хриплого кашля и смачно сплюнул под ноги.

Он не заблудился ни в коем случае, такого просто не может быть. И все-таки с каждой минутой надежда таяла.

— Огоньку не найдется? — услышал он за спиной сиплый голос.

Обернулся и заметил испачканные грязью широкие мужские штаны. Поднял голову, увидел знакомое закопченное лицо. Перед ним стоял Шапка-носок. Мужик осклабился, показав Федьке ряд кривых сероватых зубов, и зыркнул недобрый взглядом.

Федька бросился наутек. Стал петлять наугад сквозь штанины и подола юбок, боясь, что страшный человек пустится следом.

Трясина отчаяния засасывала его, он чувствовал зловоние топи, слышал, как со дна поднимались пузырьки газа и лопались с тихим шепотом: «Шапка-носок утащит тебя в черную шахту, и ты никогда больше не увидишь родителей!» Ценой неимоверных усилий он не давал волю слезам.

Каким-то образом оказался возле палатки с мангалом. Запах мяса на углях снова дразнил его, но на сей раз вызывал не голод, а желание зарыдать. Папа обещал приготовить завтра шашлык, но завтра не наступит, если лабиринт не отпустит его.

Осталось только продираться через живую изгородь, бежать, мчаться вперед.

Вновь остановился перед скамейками возле пустующего постамента и понял, что сделал круг. Стало смеркаться, и он решил остаться здесь, чтобы встретить ночь. Кто-нибудь или что-нибудь скоро спасет его, непременно... если только его не утащат чумазы мужики с огоньками на языках.

Он вздрогнул и постарался прогнать нехорошие мысли. «Доверься теплой руке, чтобы выйти из лабиринта», — сказала Продавщица. Но Федька не понимал, что она хотела ему сообщить. Нужна была крошечная подсказка, хотя бы малейший намек на разгадку.

Над площадью разнеслись усиленные микрофоном слова:

— Поднимите ваши руки!

Федька встал на скамейку, дотянулся до постамента и вскарабкался на шершавый прохладный бетон. Отряхнул руки от мелкой крошки и поднял заплаканные глаза.

Молодая артистка в серебристом блестящем платье, которое переливалось в свете прожекторов всеми цветами радуги, держала в одной руке микрофон, а второй приветливо махала толпе. Никогда прежде он не встречал девушек с волосами цвета клубничного киселя.

Толпа мгновенно откликнулась на призыв, но девушка словно не заметила:

— Не вижу ваших рук!

Люди скандировали и кричали.

— Ну, где же ваши ручки? — не унималась певица.

Федька подпрыгнул на постаменте что было силы.

— Я здесь, — крикнул он во всю мощь легких, — здесь!

Она махнула рукой, и он был готов поклониться, что именно ему. Его одного заметила девушка среди многих людей и послала ярко-желтый лучик. Он поймал его и, повинувшись внезапному порыву, обернулся.

Медленно, стараясь не столкнуться с бритоголовыми дядьками в спортивных костюмах и лохматыми тетками в джинсовых куртках, к постаменту шагала Босоногая девушка. Она не смотрела на Федю, обводя рассеянным взглядом запруженную людьми площадь. Тем не менее возникло смутное чувство, что она здесь ради него, словно их связывала незримая ниточка.

Девушка остановилась у постамента. Как-то странно и неестественно выгнула руку, поправила светлую челку, а потом замерла в немом ожидании.

Чтобы приблизиться к ее лицу, Федя стал на колени у края бетонной площадки. Надеясь, что шум толпы и громкая музыка не заглушат его, прохрипел:

— Помоги мне.

Девушка ненадолго закрыла глаза, а потом ответила едва заметным кивком. Он перелез на скамейку, спрыгнул на асфальт и позволил взять себя за руку. Федька до ужаса не любил, когда чьи-то руки оказывались мокрыми и холодными, но от прикосновения ее мягких пальцев по телу бежало тепло. Он чувствовал, что эта ладонь могла быть только у доброго и честного по отношению к детям взрослого.

Дорожка, выбранная девушкой, была довольно узкой. Они миновали стадо полубыков-полулюдей, которые с жадностью глотали газировку. За очередным поворотом куда-то бежавшая компания мальчишек чуть не сбила Федю и девушку с ног. Потом они долго-долго шли прямо, не говоря друг другу ни слова, ибо все их слова утонули бы в шуме толпы.

Даже примерно Федя не мог прикинуть, сколько продлился их путь, но в конце концов они вышли на окраину лабиринта. Здесь он увидел знакомый газетный киоск, рядом с которым стоял белый автомобиль. Возле него серьезные дяди, одетые в серую форму, что-то говорили в нагрудную рацию. Федя заметил маму и папу, и сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Забыв обо всем на свете, он побежал, чтобы скорее прижаться к родным.

— Хвала небесам, нашелся! — воскликнула мама. — Как же ты нас напугал! Мы с папой чуть с ума не сошли!

— Как сквозь землю провалился! — выкрикнул папа. — По всей площади бегали, искали тебя, звали...

— В милицию обратились...

— И в «скорую»...

- Вдруг что случилось с тобой...
- А мы и не знаем...
- Ну где ты был?! — закончили они хором.

Папа взял его на руки, и Федя разрыдался у него на груди. Захлебываясь солеными теплыми слезами, чувствовал запах папиной джинсовой куртки и вытирал о нее нос. Обещал никогда-никогда не теряться и не отходить ни на шаг.

И только потом, когда ужас пережитого немного утих, его посетила мысль. Босоногая девушка исчезла в толпе, а сказать ей спасибо он не успел. Нехорошо получилось...

Стемнело. Артисты тянули грустные серенады о расставании, заводили разбитные песни про неожиданные встречи, и ни капли усталости не слышалось в их голосах. Они то и дело выпрашивали у публики припевы своих песен, а народ горланил слова охрипшими радостными голосами, и тонкая грань между людьми на сцене и людьми на площади незаметно стиралась.

Но больше всего удивляло то, что с наступлением ночи никто не спешил домой. Взрослые продолжали делать странные телодвижения под громкую музыку, пить лимонад и смеяться по поводу и без. Казалось, они перепутали ночь и день, отчего детвора получила долгожданную возможность не спать с наступлением темноты. Федька не помнил, когда он последний раз любовался звездным небом и ясной луной, напоминавшей вареный желток.

Сильные руки вдруг подхватили его. Папа усадил Федю на плечи и взял его озябшие ладони в свои, крепкие и теплые.

Взору открылось волнующееся море людей. Он наблюдал, как круглый мужик с соломенными волосами танцевал с сушеной рыбой в руке, как три тетki с алыми тучками на головах плясали, взявшись за руки, а старушка с пухом одуванчика на голове вынула из кармана халата запасную пару глаз и взглянула в небо. Рядом со взрослыми сияли счастливые дети, многие так же сидели на плечах отцов. Неподалеку виднелась тройка знакомых мужиков с огоньками во рту, но они больше не казались страшными и неприятными, потому что на плечах у папы ничто не могло испугать.

Хор голосов воскликнул:

— Три!

Федя видел, как из заводской трубы медленно выплывал сизый дым, словно джинн из волшебной лампы.

— Два!

Продавщица сказала ему: «Успей загадать желание...»

— Один!

Все звуки мира исчезли, воздух застыл, запахи испарились. Грянул рокочущий гром, и в черное небытие над головами людей взмыла Жар-птица. Огненные перья ее искрились, из клюва вырывалось яркое пламя. Она обернулась огненным вихрем. Небо посветлело, посреди ночи наступил день. Мгновение, и вихрь рассыпался на тысячи искр, которые тут же сгорели, подобно метеоритному дождю.

Небосвод превратился в бескрайнюю клумбу, где расцвели огненные цветы. Изумрудные, золотистые, рубиновые бутоны раскрывались на один миг и увядали, а на их месте появлялись новые, чудеснее и восхитительнее прежних.

Было слышно, как заходились в отчаянном плаче напуганные малыши и как ребятя постарше охала от удивления. «Я люблю тебя!» — прокричал необычно нежный юношеский голосок. В ответ послышался серебристый смешок и девичий вскрик: «А я тебя еще больше!»

Люди приветствовали каждый цветок, искренне радуясь полуночному натюрморту.

— Какая же красота-а! — выдохнула мама.

Вскоре последние искры растаяли на небосводе. Жар-птица оставила после себя облачко белесого дыма.

Федька взглянул на сотни человеческих лиц в полутьме и увидел трех мужиков. Они изменились до неузнаваемости. Их лица были румяными, чистыми, будто мужчины только что вышли из бани. Глаза лучились по-детски восторженно, однако во взгляде ясно читалась мудрость прожитых лет. Изморозь седины серебрила аккуратно причесанные волосы старшего дядьки, роскошные золотистые кудри среднего окружали его крепкую голову, а шапка-носок на голове третьего сменилась лихо сдвинутым на затылок голубым беретом.

Папа снял Федю с плеч и взглянул на часы:

— Ого, сколько Времени! Спать пора, уснул бычок. Пойдемте-ка домой.

Федька почувствовал, что если помедлить еще немного, то он отключится прямо здесь, сию же минуту, и папе придется нести его на руках до кровати. Так было миновавшим вечером, когда Федя смотрел допоздна телевизор и нечаянно заснул на диване, а позже проснулся в теплой постели своей комнаты.

И тогда он, вглядываясь в глаза папы, прошептал:

— Папа, сможешь понести меня домой на руках?

По улицам поселка Чудь растекалась людская река. Люди оставили позади Дворец культуры и парк «Сокольники», миновали аллею с опрятными кустами акации, таверну, в окнах которой приветливо горели огни, и свернули к башне с часами.

С блаженной полуулыбкой на устах Босоногая девушка порхала в танце на гладком и ровном асфальте. Легкое голубое платье колыхалось чистой водой и, казалось, вот-вот разольется на землю. Она танцевала под бой часов, возводила нежные девичьи руки, словно хотела воспарить к циферблату на башне.

Девушка бросила на Федьку взгляд, просияла и сделала изящный пируэт. Проплыла к нему, и он услышал теплое дыхание и мягкий запах черемухи.

— Я искала эту улицу долго-долго, — сказала она, — и я нашла ее благодаря тебе. Именно здесь живет Лена...

НЕБЕСНЫЙ КИНОЗАЛ

Сверху шумели соседи. Звук был такой, словно они катали по полу металлический шарик.

Неприятный и странный звук лишил покоя, заставил навести уши и ждать, что же случится дальше. Он затаил дыхание и прислушался к обманчивой тишине, готовой в любую минуту обернуться чем-то внезапным и страшным.

Лежа под одеялом, Федя повернулся лицом к настенному ковру и взглянул на орнаменты и узоры. Хоть и боязно было высунуть руку, он все же провел указательным пальцем по особо причудливой шершавой завитушке.

Крики стрижей за окном утихли, но все еще отзывались в голове звонким эхом. Через форточку тянулся опьяняющий запах июльского вечера. Непонятные тени то ли комнатной мебели, то ли деревьев, что росли напротив окна, в наступающих сумерках принимали зловещие и потусторонние очертания.

Федька полежал какое-то время, ожидая чего-то неладного, но больше ничего не случилось. Судя по всему, шарик соседей утонул в черной тишине. Расслабился было и, прежде чем закрыть глаза, на всякий случай бросил взгляд в потолок.

В углу парило бледное, цвета лесной поганки, застывшее в злобной гримасе лицо. Нахмуренный лоб был сплошь изрезан морщинами, словно меха гармони. Лицо, без

того безобразное, уродовал непонятный нарост на макушке, похожий на жабу или пирамидку.

Федя навсегда запомнил день, когда случилась их первая встреча. Он возился на полу с игрушечным паровозом, пока мама и папа сидели на диване и переключали телеканалы.

— О, начинается! — сказала мама.

Федька поднял взгляд на экран, где вдруг появилось чудовище.

— Телекомпания «Вид» представляет, — сообщил мужской голос за кадром.

Истощенно завопив, Федя спрятался в своей комнате. Это было серьезной ошибкой: каким-то образом лик проследовал за ним и поселился на потолке. Вид не показывался на глаза, когда Федька водил цветными карандашами по раскраске, играл в конструктор и просто ходил по комнате. Но едва ложился в кровать, как сумрачные тени начинали бегать по потолку и выпускали Вид на ночную охоту. Потому Федя старался никогда не смотреть в зараженный нечистью угол.

Когда он впервые заметил злобное лицо над кроватью, на крик примчались родители. Пальцем он указал на существо в углу потолка и, рыдая, попросил, чтобы Вид сейчас же исчез. Мама и папа разрешили провести ночь в их комнате. Он быстро уснул в родительской постели, широченной и необъятной, к тому же необычайно уютной.

Однако теперь никто не придет и не поможет ему.

— Зачем ты пришел? Уходи!

Федя и сам понимал, как нетвердо и жалко звучали его слова. Рожа дразнила его чуть высунутым языком.

— Я тебя не боюсь!

В руках оказалась игрушечная видеокамера. Это был папин подарок, о котором Федя давно мечтал. Прежде чем лечь в кровать, он бережно укладывал ее рядом с подушкой и любовался на желтый корпус и розовый объектив. Куда бы он ни ходил, камера неизменно была при нем, как очки на носу тети Наташи. Мамина сестра видела мир сквозь толстые затемненные линзы, он же смотрел на него через окуляр.

— Вот сниму тебя на видео и покажу папе! Тогда он тебя прогонит!

Неторопливо, словно в замедленной съемке, рожа стала поднимать веки. Показались белки глаз, налитые кровью. Еще немного, и станут видны зрачки. Быть может, это будет последнее, что ему доведется запомнить в жизни.

Не помня себя, Федя вскочил с кровати и выбежал из комнаты.

Гостиная встретила его безжизненной тишиной. Высоченной горой возвышались стенные шкафы, заполненные древними книгами, видеокассетами и фотографиями, на которых Федька мог узнать себя, хотя и не помнил, когда они были сделаны. Коричневый массивный диван напоминал песчаный холм, рядом росло одинокое деревце-торшер с абажуром цвета какао.

Возле окна, завешенного шторами, стоял папа. Бесшумно ступая босыми ногами по мягкому ковру, Федя подошел к нему и сел на колени.

Он не помнил, сколько дней прошло с тех пор, как папа стал креслом. Коричневым комнатным креслом, на спинке которого висела светло-голубая рубашка, а на сиденье лежали джинсы.

Последний раз, когда папа был в привычном обличье, Федя взбивал подушку в кровати, готовясь ко сну. Тихонько отворилась дверь. Бесшумно, словно боясь спугнуть Федин сон, папа неторопливо пересек комнату и присел на кровать.

Он путано объяснил, что скоро наступит Время, когда им придется общаться чуть меньше, потому что впереди ждут какие-то перемены, и Феде нужно немножечко подождать. Потом все станет, как прежде.

— Что с тобой будет? — спросил Федя.

Папа наклонился, поцеловал его лоб и прошептал что-то в самое ухо. Федя силился извлечь из памяти те слова, но кадры воспоминания оказались словно засвечены. Одно только не забылось: какое-то слово встревожило Федьку особенно ярко. Значения его он не понял и подумал, что это странное женское имя или же редкая загадочная болезнь.

Но прежде чем принять облик кресла, папа вытащил из-за пазухи желтую видеокамеру. С тех пор Федя старался не выпускать ее из рук.

Тянулись минуты, а он сидел и сидел в гостиной. Чувствовал легкий запах папиного одеколona, смотрел на часы, что висели на стене. Длинная стрелка указывала на палочку, такая же была на двери в их квартиру, а короткая смотрела на кренделек, бабушка часто покупала такие к чаю.

— Сегодня у меня никак не получалось нарисовать Черного плаща, — сказал Федя, — и мама мне помогла. У нее хорошо выходит, красиво. Я так не умею...

Он призадумался и спросил:

— Не знаешь, где мама?

Папа ответил молчанием.

— Я тоже не знаю, — сказал Федя.

Из форточки сквозило, в одной лишь майке стало зябко. Он взялся за папину рубашку, скрестил ее рукава у себя на груди. Беспокоил не только вечерний холод, но и тьма, которая с каждой минутой становилась все более враждебной и вязкой.

Нашупав пульт, он включил телевизор.

— Дарите тепло вашей души вместе с чашечкой кофе. Перед вами не просто шампунь, а супершампунь нового поколения. Свежесть и защита от кариеса, отбеливает лучше и без кипячения. Ароматнее и вкуснее, советуют профессионалы!

Федька смотрел, с каким удовольствием тетенька на экране положила в рот жевательную резинку.

— Папа, у тебя есть жвачка? — спросил он.

Тут же почувствовал, как что-то топорщится в кармане папиных джинсов. Запустил руку и вытащил пачку жвачки.

— Спасибо.

Как в рекламе, он положил на язык две подушечки.

Они с бабушкой Валею держались за руки, неспешно гуляли по узким тропинкам в парке «Сокольники». Летний день выдался жарким, воздух застыл, сделался плотным, словно мармелад. Слышались птичье пение и редкие голоса людей, а вдалеке плакал ребенок. По тропинке бежала девушка в розовой майке, шортах и белых кроссовках. На лбу красовалась лиловая лента, темно-русые волосы были стянуты в хвост, который при беге болтался из стороны в сторону. Федька тотчас же вспомнил гнедую лошадь с точно таким же хвостом в зоопарке, куда они с мамой и папой ходили весной.

Баба Валя стряхнула со скамейки крохотные песчинки и опустилась на нее. Федька тоже провел рукой по шершавым доскам, залитым теплым солнечным светом, и присел рядом.

В голубом безоблачном небе виднелся яркий красный круг, будто художник, рисовавший дневную картину, хотел изобразить еще одно солнце. Вскоре загадочный круг превратился в горошину. Федька моргнул, и горошина стала меньше родинки на коленке. «Воздушный шарик», — понял он и проводил его взглядом, пока тот не растворился в голубом океане.

Бабушка достала из красной сумочки позолоченную круглую пудреницу, взглянула на отражение в зеркальце и поправила прическу. С приятным щелчком захлопнула пудреницу, спрятала в сумочке и вынула оттуда светлую упаковку жвачки.

— Бабушка, — сказал Федя, — можно попробовать жвачку?

На его левой ладони оказалась белая подушечка, похожая на человеческий зуб. Он взял жвачку за гладкую поверхность большим и указательным пальцами правой руки, с любопытством повертел вправо-влево и поднес к носу. Внюхался, но услышал только лишь запах рук.

— А дай мне еще одну, чтобы как в рекламе!

— Одну штучку можно, — ответила баба Валя, — когда берешь по одной, на дольше хватает.

Он принялся с удовольствием жевать резинку. У нее оказался легкий мятный вкус, рот наполнился слюной, которая быстро сделалась сладкой.

— Вкусная! — сказал Федя.

Бабушка указала на мусорное ведро возле скамейки:

— Когда жвачка потеряет вкус, выплюнь.

— А почему нельзя ее скушать? — спросил Федя.

— Что ты! Ни в коем случае не проглатывай жвачку!

— Почему?

— Она попадет в животик и там склеит тебе все кишочки.

Где-то вдаль раздался паровозный гудок. Пронзительный звук разрезал воздух, и Федя поежился.

— А это больно? — спросил он.

— Не просто больно, человек может умереть.

Федя не спросил тогда значение этого слова, хотя любопытство распирало. Он почувствовал, что это значит что-то совсем нехорошее, темное. Ему же хотелось, чтобы воспоминание о дне, когда он впервые в жизни попробовал жвачку, осталось в памяти солнечным, теплым и сладким.

Мимо их скамейки прошла заплаканная девочка в белой панамке. Она размазывала по щекам слезы, тянула руки к небу и щурилась от яркого солнца.

Больше всего на свете он хотел увидеть маму, ибо в вечерних сумерках понимал, насколько одиноко ему без тепла ее рук. Он бы отдал лучшие свои игрушки, кроме желтой видеокамеры, за одну лишь возможность снова почувствовать пряный запах маминых духов. Мама читала ему перед сном, шла к себе в комнату, а подушка в кровати Феде сохраняла ее запах. Засыпать становилось спокойнее, безопаснее.

Он хотел пить, но не решался на вылазку. До кухни был путь неблизкий, полный ледящих душу теней и таинственных шорохов.

— Обещаешь, что ничего не случится?

Папа молчал.

— Ну, хорошо. Пить очень хочется, я на кухню схожу. Подожди меня тут.

Он взял камеру и прыгнул с коленей отца. Пройдя на цыпочках комнату, вышел на опушку безмолвного леса, что утопал в полумраке, и ступил на прохладную лесную подстилку, усеянную мелкой крошкой.

Деревья были знакомы: многие росли в поселке, а остальные Федя знал по картинкам из книжек. Он стоял у высоченной сосны. Возле ее макушки висели джинсовая папина куртка и мамин сиреневый плащ. Молодая березка была усыпана дверными ключами и листочками бумаги, Федя мог разобрать мамин почерк. Рядом виднелся клен. На морщинистом стволе рос уродливый темный гриб, занятый разноцветными тюбиками и флакончиками. Путь загоразивал сухой валежник. На его древесный ствол опиралась белая ложка для обуви.

Вдалеке была красная дверь, что вела к выходу из леса. Федька помнил, как папа красил ее алой, словно изготовленной из рубинов, краской. В сумерках дверь казалась

темно-серой и некрасивой, и Федька расстроился, потому что тьма обесценивала папин труд.

Чьи-то тяжелые шаги разорвали тишину в ключья. Раздался бешеный стук: бух-бух! Бух! Бух! Бух!

Федька скрылся за широким массивным дубом, в котором хранились мамины туфли на каблуках и папины старые кеды. Прижался к шершавому стволу и затаил дыхание.

Бух! Бух! Бух!

Что-то недоброе бушевало за красной дверью, сея тревогу и страх. Несдобровать, если сейчас же не отыщется правильный путь. Федька огляделся в отчаянии. Увидел мамин сиреневый зонтик, что висел на ветке тонкой осины. Веточка дерева указала на тропу.

Кивнув осине, он побежал по тропке, и стук постепенно затих вдали. Вместо него Федя услышал, как бешено заколотилось сердце. Постоял пару минут, чтобы повернуть в руках видеокамеру, а когда перевел дух, внимательно осмотрелся по сторонам.

Кухня была небольшая, светлая и уютная. Легкие шторы пропускали вечерний свет. Сочные натюрморты украшали стены, оклеенные обоями в зеленый горошек. На высоком обеденном столе стояла хрустальная ваза с виноградом и яблоками, рядом с ней был стеклянный графин с кипяченой водой. Ужинали целую вечность тому назад, но все еще чувствовался запах тушеной картошки.

После шероховатой подстилки леса было приятно шагать по гладкому линолеуму. Он положил видеокамеру на табурет и встал на цыпочки, чтобы дотянуться до графина. Взялся за него обеими руками и почти уже сделал глоток воды, как вспомнил о жевательной резинке во рту. Жвачка совсем потеряла вкус, потому он забыл про нее. Хотел выплюнуть в мусорное ведро, но тогда и заметил то, что притаилось в темном углу.

Мертвенно-бледная отрубленная рука тянулась из стеклянной банки, доверху наполненной кроваво-красной жидкостью. Рука растопырила пальцы, чтобы схватить его, когда он окажется ближе.

Почувствовав, как тело коченеет от ужаса, Федя вскрикнул и уронил графин, который гулко ударился о пол. Графин потерял крышку, и холодная вода хлынула на линолеум. Босые ноги намокли.

«Рука не тронет меня, если я не буду смотреть в ее сторону», — подумал Федя и отвернулся.

Боковым зрением же заметил, как пузырьки воздуха поднялись на поверхность банки, где образовалась кровавая пена. То был явный намек Руки, ведь просто так она его не отпустит.

Замерзшие ноги разъехались по скользкому полу. Федя едва не упал, но удержался, схватившись за мамин фартук, что висел рядом с плитой. Его озарила мысль, как пройти мимо Руки невредимым. Он снял фартук, хорошенько прицелился и запустил его в конечность. Рука легко отшвырнула ткань и затряслась в беззвучном смехе.

Федя глубоко вздохнул, чтобы не разрыдаться, и вдруг осознал: произошло что-то чудовищное. Растерялся, позабыв о Руке, до того пугающим и непонятным было предчувствие катастрофы. Еще мгновение, и он понял.

Проглотил! Жвачку!

Его словно окунули в бочку ледяной воды. Губы задрожали, глаза распахнулись широко-широко.

После тихого часа Татьяна Николаевна вывела ребят на прогулку. Теплый ветер шевелил листву на деревьях, разносил нежный медовый аромат цветущей липы. Тополиный пух щекотал лицо и шею, прилипал к губам, приходилось сдувать его и отплеиваться.

Очутившись на детской площадке, дети разбежались кто куда. С визгом и криками они расположились в песочнице, возле качелей и на деревянной горке. Отовсюду неслись ребячьи голоса:

- Даша, качели свободные!
- Чур ты водишь!
- Не буду с тобой меняться, у тебя голубая машинка, а я хочу красную!
- Татьяна Николаевна, а чего Виталик пихается?

Федька переминался с ноги на ногу возле качелей. Не успел добежать первым, и качели заняла девочка в зеленой футболке с рисунком в виде застывшего в прыжке кенгуру.

- Даша, пошли играть в чаепитие! — крикнул кто-то.

Девочка спрыгнула с качели и побежала в беседку. Федя проводил ее взглядом и в предвкушении головокружительного полета повернулся в сторону качелей.

Боль, резкая и слепящая.

Недужинная сила опрокинула его на землю. Отчаянный протяжный крик заглушил все звуки мира. Он прижал к лицу ладони, почувствовал теплую липкую жидкость и с ужасом заметил на пальцах кровь.

Воспитательница и нянечка бежали к нему.

- Тише-тише, не плачь, — сказала Татьяна Николаевна.
- Кровь, — зарыдал он, — у меня идет кровь!

Нянечка схватилась за голову:

- Господи помилуй, нос разбил!
- Потерпи немного, — велела Татьяна Николаевна, — сейчас вместе с нянечкой сходите к врачу, он приложит к ране холодный компресс, и все тут же пройдет.

— Остановите кровь! — плакал Федя. — Пожалуйста! Она сейчас вытечет из меня полностью!

Раиса Петровна взяла его за руку, и они быстрым шагом пошли в здание садика.

— Ничего страшного, — нянечка протянула ему светло-желтый платок, — Прижми его к носу и поддержи немного, чтобы кровь остановилась. Господи помилуй, как же страшно порой за вас, в любую минуту убится можете! Но ты не бойся, от такой ранки нельзя умереть.

Неожиданное воспоминание о словах бабушки, сказанных в парке «Сокольники», пронзило, как молния.

- А как это — умереть? — спросил он.
- Ну как тебе объяснить...

Нянечка крепко задумалась, между бровей залегла глубокая складка.

- Это значит крепко-крепко уснуть, чтобы затем улететь на небеса.
- На небеса, — эхом повторил он.

Посмотрел вверх, в безбрежную синеву, где виднелись редкие облака.

Голоса ребят казались теперь бесконечно далекими и неуместно веселыми. Федя не мог взять в толк, как могли они радоваться летней прогулке, если в небесах что-то непостижимое и сокрытое от постороннего взгляда ждет, когда они крепко уснут.

Все будет так, как говорили бабушка и нянечка, ибо случилось непоправимое: он проглотил жвачку.

Федя побежал сломя голову. Окровавленная Рука, сумрачный лес и грохочущий чужак по ту сторону красной двери больше не волновали его. Все казалось сушим пустыком по сравнению с тем, что ждало впереди. Он прибежал к папе, уткнулся лицом в рубашку, пахнущую одеколоном и стиральным порошком.

Жить оставалось считанные минуты, может быть, полчаса. Наверное, он почувствует, что умирает, когда заболит живот, но пока никаких ощущений не было. Быть мо-

жет, все обойдется? Нет, он не будет тешить себя пустыми надеждами. Бабушка никогда не обманывала, потому остается смириться с неизбежным и ждать, ждать.

Последняя мысль, что промелькнула в сознании до того, как волна забытья накрыла с головой и куда-то поволокла, была о забытой на кухне видеокамере.

Необычайная легкость плавно разлилась по всему телу. Федя не мог сказать, всегда ли он был воздушным шариком или обернулся им только сейчас, потому отогнал эти глупые, неважные мысли. Воспарил к потолку, пошевелил висящие на люстре стеклышки. Поток воздуха подхватил его, и Федя вылетел из квартиры через открытую форточку.

Он летел и летел, поднимаясь все выше, сквозь небесную прохладу цвета индиго. Внизу виднелись очертания серых одинаковых домов. Приятно пахло дождем, слышалась дивная мелодия, что казалась смутно знакомой, но давно позабытой.

Густой, цвета гнилого персика, дым валил из заводских труб. Он поглотил все вокруг: мелодия, запах дождя и поселок исчезли, уступив место непроглядной дымке, где пахло зажженными сигаретами. Захотелось скорее оставить туман позади, чтобы опять любоваться небом и дышать полной грудью.

Когда дым рассеялся, перед Федей предстал пустой кинозал. В полумраке разглядел синие кресла, которые стояли друг за другом рядами, и белый экран, похожий на широкую простыню.

Тихонечко, чтобы не испугать его, кто-то положил руку на плечо. Он обернулся и увидел женщину с необычайно длинными волосами и девочку в белой панамке. Не нарушая звенящую тишину, плавными жестами предложили Феде проследовать за ними. Медленно прошли к последнему ряду и усадили его в ближайшее кресло, мягкое и удобное.

Послышался мерный цокот копыт. Обернувшись, Федя заметил странное существо, которое видел когда-то в книжке. До пояса это была девушка в розовой майке с темно-русыми волосами, но от пояса начиналось лоснящееся лошадиное тело с длинным, колыхающимся хвостом.

— Стрелец? — спросила она.

Федя кивнул головой.

Кентаврида вставила скрученную рулоном киноленту в некое устройство, состоящее из железной стойки, серебристого корпуса и тубуса с объективом. Вспомнилось, как в комнате для тихого часа воспитательницы включали диафильмы при помощи фильмоскопа, который показывал сказки прямо на стене. Красочные картинки историй сменяли одна другую, воспитатель озвучивала текст, а ребятя внимательно слушала, разинув от удивления рты.

Устройство кентавриды светилось, стрекотало монотонно и непрерывно, и в его луче ясно виднелись пылинки в воздухе. Экран быстро темнел, на нем плясали размытые полосы, черно-белые пятна и точки, словно устройство забило песком.

Начался фильм. Изображение оказалось цветным, но немного размытым, будто кино снимал любитель на цифровую видеокамеру. Ну конечно, как он не сообразил раньше! Сейчас он увидит фильм длиной в жизнь. Ему покажут все, что он успел на снимать на земле, прежде чем очутиться в кинотеатре.

На столе перед ним стояла тарелка свежей клубники. Схватив крупную ягоду, он сжал ее кулаком так крепко, что по руке потек красный сок. Размазал клубнику по светлым обоям и счастливо улыбнулся: какая вышла красота!

Одетый в полушубок и высокие валенки, он шагал по заснеженному двору с лопатой в руках. Увидел соседскую кошку и возжелал прокатить ее на лопате, но кошка, заметив его, убежала.

Держась за руки, они с бабушкой Валею гуляли в парке «Сокольники» жарким солнечным днем. Присели на скамейку, и баба Валя достала из красной сумки пачку жвачки. Федя выпросил у нее подушечку и начал жевать с довольным лицом.

Картинка исчезла на пару мгновений, уступив место пляшущим точкам и пятнышкам. А потом на экране появилось мамино лицо. Светлые локоны рассыпались по плечам, ярко-зеленые глаза смотрели удивленно и вопросительно.

— Ты почему в кресле спишь? — сказала она. — Я всего на две минуты вышла к соседке, а он уже из постели вылез! Ну-ка пойдем в твою комнату.

Изображение задрожало, и следующее, что он увидел, — узоры ковра, что висел рядом с его кроватью.

Следующая сцена происходила на кухне. Дедушка насыпал сахар в большую стеклянную банку с вареньем, разбавленным кипяченой водой. Из кармана вытащил белую медицинскую перчатку, иглой проделал в ней дырочки и насадил на банку. Увидел, что Федька наблюдает за ним, и пропел:

Что ели? Кашку!

Что пили? Бражку!

Федя лежал на кровати и смотрел, как папа белит потолок, стоя на высокой стремянке. Пахучая краска капала с кисточки, белые капли пачкали папину майку, стремянку и пол. Папа закончил белить потолок, но оставил в углу неаккуратный сгусток белил. Осторожно слез со стремянки, неторопливо пересек комнату и присел на кровать.

— Мне нужно ненадолго уехать, — сказал он, — но я буду звонить тебе так часто, сколько смогу. Не расстраивайся, мне тоже не хочется уезжать, но так нужно. Не успеешь заметить, как пройдет Время, и мы снова увидимся.

— Что с тобой будет? — спросил Федя.

Папа наклонился, поцеловал Федькин лоб и прошептал в самое ухо:

— Сессия, меня в институте ждет сессия.

АЛОЕ СТЕКЛЫШКО

Он хотел, чтобы минувшие дни были неправдой, тяжелым ночным сновидением, которое оставляет надежду проснуться. Но как проснуться наяву? Силы иссякли. Он вздохнул и положил голову на подушку.

Федя не верил в реальность происходящего. Взрослые нарушали правила, придуманные для детей: ночью все дети спят, по ночам гулять опасно! Но была ночь, а ему не давали уснуть. Вытащили из кровати и, наспех одев, посадили в машину. Папа сидел за рулем и что-то говорил маме. С ними поехала и бабушка Валя. Достав из кармана расческу, она привела в порядок Федины волосы и ободряюще похлопала его по колену.

Проверив, не забыл ли он положить в рюкзачок фломастеры и раскраски, Федя посмотрел в окно. Пятиэтажки забылись глубоким сном, в их стеклянных глазах отражалась ночная тьма. На улице не было ни души. Голубые глаза фонарей освещали пустынные тротуары и осиротевшие кроны деревьев.

В память впечаталось название станции Калиново, куда папа привез их. Было прохладно и немного тревожно. Стоя на перроне и кутаясь в «олимпийку», Федя разглядывал провода и металлические конструкции, смотрел на рельсы и шпалы. Не давал покоя неприятный запах сигаретного дыма. Федька закрыл нос воротни-

ком, но стало сложнее дышать. Тогда он попробовал делать вдох через рот, а выдыхать носом.

Мама и баба Валя вспоминали, все ли взяли в дорогу, а папа поглядывал на часы. Вдали показался поезд. Становясь все больше и больше, он постепенно замедлил ход и, фыркая и шипя, остановился.

Папа занес чемоданы в купе и спросил:

- Как настроение?
- Супер, — сонно ответил Федька.
- Обещаешь маму с бабушкой слушаться?
- Обещаю.
- Будешь хорошо себя вести?
- Буду.

Папа поцеловал его на прощание.

- А как у тебя настроение? — спросил Федя.
- Супер.
- Обещаешь записать на кассету все мультики, которые я пропущу?
- Обещаю.
- Будешь по мне скучать?
- Буду.

Обнялись еще раз, и проводник попросил отца покинуть вагон. Из окна они увидели папу и помахали ему. Поезд тронулся, папа остался на перроне. Федя готов был заплакать, но спать хотелось сильнее.

Дома хранилась видеокассета с песнями из мультфильмов. Не нравилось Феде, что сборник заканчивался песней про голубой вагон. В голосе исполнителя слышалась грусть, мелодия навевала тоску, а вагон уходил куда-то вдаль, за горизонт. Федьке было неведомо, куда уходил вагон и что ждало героев за горизонтом, а самое главное, будет ли им хорошо там, куда они держат путь. И ни один взрослый ему не мог ответить на эти вопросы.

Поезд двигался не торопясь. Мелькали промасленные шпалы. Федька успел разглядеть возле них черную фуражку с козырьком. Она принадлежала старухе, чье красное лицо светилось в темноте, провожая пассажиров недружелюбным взглядом.

— Там Шапокляк на улице! — ткнул он пальцем в окошко.

Все было, как в мультфильме, вот и вредная старуха им встретилась. Но она не злодейка. Она добрая, помогает поезду не сбиться с пути.

Это бабушка объясняла ему, а он не заметил, как погрузился в сон.

Поезд грохотал колесами, Федька то просыпался, то засыпал. Чтобы скоротать время, смотрел в окошко. Непривычные очертания деревьев проносились за стеклом, едва Федька успевал их заметить. Промелькнула елка. Привет! И сразу прощай. Он никогда не встретит ее, а если их встреча случится, то не узнает ее среди остальных деревьев. От того стало как-то грустно.

Еда на столиках состояла из лапши, куриного мяса, вареных яиц и дурно пахла. Разило из туалетной кабины, где под ногами мерзко хлюпал прорезиненный коврик. Тамбур же источал зловоние сигаретного дыма. Смрад был навязчивым спутником Феде.

Федя ворочался не в силах понять, с чем столкнулся. Крепко зажмурившись, уткнулся лицом в подушку. Что бы то ни было, поскорее бы оно закончилось.

Баба Валя положила руку на плечо и шепнула:

— Приехали.

Подняв голову, он потер кулаками глаза и увидел дивный сад. По голубому забору вились виноградные лозы, с которых спускались налитые соком зрелые грозди. Раски-

дистым кустарником рос инжир, вокруг него виднелись яблони и груши, а из-за вишневых деревьев выглядывал одноэтажный дом из белого кирпича.

Яркое солнце слепило, от нагретой земли шел жар. Сейчас он бы выпил целую банку охлажденного морса.

— Это деда Вася, твой прадедушка, — указала баба Валя на высокого, до красноты загорелого мужчину.

Старик наклонился и протянул Феде широкую ладонь. Испугавшись, Федька подался назад и прижался к маме.

— Ой, хлопца засмущали! — вышла из-за спины старика крохотная, чуть сгорбленная старушка.

— А это прабабушка Чара.

— Я не хочу, чтобы меня называли прабабушкой! — возмутилась она и с укором взглянула на дочь. — Я себя старую чувствую! Лучше зови меня тетушкой Чарой.

Она провела их к веранде, откуда открывался вид на море и горы. Сели за стол, на котором возвышался начищенный до блеска самовар, рядом с ним стояла чистая посуда и лежал плетеный пирог с вишней. Нигде прежде Федька не пробовал столь восхитительную стряпню. Еще теплое тесто таяло во рту, очищенные от косточек ягоды казались слаще меда, а корочка приятно хрустела на зубах. Умяв свой кусок и собрав крошки с тарелки, Федя попросил добавки.

Взрослые не могли наговориться, тетушка Чара то и дело заливалась смехом, от которого Феде тоже хотелось смеяться. В кустах стрекотали сверчки, видимо, рассказывали друг другу житейские истории.

Солнце скрылось за горами. Тетушка Чара отвела их в дом, откуда выбежала красивая серая кошка. Кошка, должно быть, испугалась гостей, и Федька решил отыскать ее утром и подружиться. В доме пахло парным молоком и свежeweыстиранным постельным бельем. После уличной духоты домашний воздух принес облегчение. Федя, мама и баба Валя зашли в спальную комнату.

Комната оказалась довольно просторной. Вместо обоев стены были выкрашены бело-голубой краской. Оба окна с распахнутыми настежь форточками выходили в сад. На стене между ними, четко отбивая каждый удар, тикали часы-ходики. Отбрасывая на пол светлую тень, под окнами стоял большой деревянный стол, а напротив него располагалась широкая кровать, накрытая лоскутным одеялом. Настенный ковер, пестрый и бордовый, изображал причудливые узоры в виде цветов, кистей винограда и птичьих фигур.

— Посмотри в окошко внимательно, — сказала баба Валя. — Замечаешь что-нибудь необычное?

Соседние дома, сады, море и горы на горизонте исчезли. Федя смотрел в небытие. Ярко светили звезды, будто черная ткань прохудилась, и дневной свет просачивался через крохотные дырочки.

— Очень темно, — подумал и сказал он.

— Правильно. На юге ночи темнее, чем дома. И ночь наступает быстрее. Недавно мы пили чай на веранде, и было светло. Теперь небо словно мазут. Дома оно таким не бывает, вспомни.

И Федя попытался вспомнить ночное небо, которое он видел из окна комнаты, что осталась далеко позади, но не смог.

— Да, — продолжила бабушка, — темно, хоть глаз выколи.

Вдруг стало зябко. Тьма поглотила тепло и что-то сделала с бабушкой, раз она говорит страшное, непонятное.

Федька заплакал:

— Бабушка! Не надо выкалывать глаз! Я быстро усну, обещаю!

Наступила первая южная ночь. Он заснул, едва баба Валя укрыла его одеялом. Калейдоскоп впечатлений, а может быть, магия южных ночей были тому причиной.

Бабушка стояла рядом с его кроватью. Лицо ее сияло улыбкой, а глаза с любовью смотрели на него. Увидев ее, он вздохнул.

Она огляделась и тихо произнесла:

— Я снова в родительском доме.

— Тебе хорошо? — спросил он.

— Мне спокойно. Тепло. Здесь мои родители.

— Может, мне позвать маму?

— Она спит, но не видит сны. Пускай отдохнет немного.

Бабушка взглянула на Федьку.

— Помнишь, как испугался и плакал тогда перед сном? — спросила она. — Как я обещала, что ничего не случится? Сидела рядом, пока не уснул.

— Я думал, что забыл.

— Что еще помнишь?

— Осталось в памяти утро, будто было вчера.

Комната залита солнечными лучами. Сейчас он проснется у себя дома и побежит рассказывать маме и папе о сновидении. Чудной был сон! В нем катился вагон, мелькали шпалы и смеялась маленькая старушка.

Но что это? Кровать, на которой он спал, не его. Комната ему не знакома. Чужая мебель, чужой ковер на стене, чужие настенные ходики.

Тик-так, тик-так, тик-так.

В комнате он один.

Тик-так, тик-так.

Спрыгнув с кровати, Федька схватил рюкзачок и ринулся прочь. Он бежал по запутанным коридорам из комнаты в комнату. Держаться, не плакать! Но ведь скользит по щекам и оставляет соленый привкус.

Он выбежал на крыльцо и стал вытирать глаза.

— Дивись! Твой парниша проснулся! — воскликнула тетушка Чара.

Послышался шорох ветвей, и из-за них показалась мама. Федька побежал навстречу. Прижался к ней, дабы не исчезла снова. В ушах звенел смех тетушки Чары:

— Ты шо, внучок, испугался? Ха-ха-ха!

Мама отвела его к воде. Умывая лицо холодной водой, он смотрел под ноги. Куда-то ползла улитка, оставляя за собой темный след. Наклонился взглянуть поближе, поднял небольшой влажный камушек. Размахнувшись, со всей силы кинул его в море.

Черное море оказалось не черным, а синим, как зайдешь в воду — и вовсе зеленоватым. Но в воду ему заходить не хотелось. Он боялся, что волны подхватят и унесут его за горизонт.

На пляже было так много людей, что Федька, мама и баба Валя с трудом отыскивали незанятый пяточок песка. Шумел прибой. Смеялись и гомонили отдыхающие, а торговцы громко предлагали копченую барабульку и вареных раков. Родители что-то кричали детям, которые барахтались в волнах, и ребяшня отвечала радостным визгом. Пахло морской водой, свежим ветром и кремом для загара. Во рту же ощущался медовый вкус пахлавы, которую мама купила ему, как только пришли на пляж. Рядом мальчик и девочка в белых панамках раскладывали игрушки вокруг себя.

— Давай доберемся до центра Земли? — предложил мальчик.

— Давай! — воскликнула девочка.

Вооружившись совочками, стали копать. Последовав их примеру, Федя сел на колени, а затем запустил обе руки в золотой песок.

Теплый, местами горячий, он сыпался сквозь пальцы. Столько песка не было ни в одной песочнице родного поселка, а ведь Федька облазил их все. Побережье Черного моря казалось бескрайней песочницей, и он надеялся, что здесь непременно отыщется клад. И Федя заметил, как под ногами что-то блеснуло.

Он разглядел камушек алого цвета и наклонился, чтобы поднять. Пальцы ощутили приятную гладкую поверхность стекла. Показал его маме и бабушке:

— Глядите, какое стеклышко! Наверное, волшебное!

Стеклышко было крохотное. Федя боялся его потерять, потому отдал находку бабе Вале, чтобы та сохранила ее.

— Ты отыскал горстку таких стекляшек, — сказала бабушка. — Зеленые, желтые, голубые и розовые.

— И каждое значило для меня что-то особенное, — ответил он.

— Потому что все они были по-своему волшебными.

— Не припомню, чтобы я играл с ними дома.

Она задумчиво посмотрела на Федьку, который бегал по набережной и искал сокровища.

— Ты хотел взять их с собой, — сказала баба Валя, — но забыл тут, на юге.

— Да, точно! Вспомнил про них в поезде, на полпути домой.

— Ты плакал, просил остановить поезд.

— И осталось только алое стеклышко.

— А мы с твоей мамой пообещали, что когда-нибудь вернемся на море и найдем новые.

Он заметил, что мальчик и девочка в светлых панамках отложили совочки. Видимо, почва стала твердой, как камень, и совочком ее было уже не взять. Бросив затею добраться до центра Земли, ребята побежали строить песочный замок.

— Мы вернулись через несколько лет, — продолжила бабушка, — и ты снова нашел такие же стеклышки.

— Я никогда не вспоминал это, — сказал он.

— Потому что ты уже знал, что это всего-навсего морское стекло: бутылочные осколки, которые сгладила морская волна. В них больше не было для тебя ничего волшебного.

— Не было, — эхом повторил он.

Баба Валя положила стеклышко в нагрудный карман халата, прижала его рукой и вдруг замерла, не опуская руку.

— Сердце?

Она печально взглянула на него и кивнула.

В парке аттракционов Федя прокатился на паровозике. Ни маму, ни бабушку с ним не пустили, и Федя не запомнил ничего, что видел из окна: переживал, что паровоз увезет неизвестно куда и он больше не увидит родных.

Заметил высоченное колесо обозрения, заполненное людьми.

— Можно туда? — спросил он. — Пожалуйста!

Мама отказалась кататься на колесе, и с ним пошла бабушка. Зайдя в небольшую кабину, Федька плюхнулся на жестковатое сиденье. Баба Валя села напротив и заглянула в его лицо:

— Готов?

Кабина оторвалась от земли, слегка покачнувшись. Начался подъем.

Квартира, где они жили, располагалась на третьем этаже, оттого непривычным казался вид из окон на большей высоте. Должно быть, сейчас кабина выше пятиэтажного дома. Чем дальше от земли, тем сильнее становилось желание вернуться. Несчастные птицы, как не боятся летать в небесной выси? Может, чайки кричат, потому что страшно?

— Я рядом, не бойся, — сказала бабушка.

Она взяла его за руку, он ощутил тепло, и страха как не бывало. Разглядывал уютные на вид домики, что утопали в зелени и казались игрушечными, словно собранными из конструктора лего. Видел прибрежные горы, похожие на куски халвы. Наслаждался вечным союзом неба и моря.

Кабина очертила круг и остановилась.

Вечером баба Валя и ее родители чаевничали на веранде. Федя сидел на крыльце и гладил серую кошку. Он почти не слышал, о чем говорили взрослые, но несколько слов долетели до его ушей. Отхлебнув чай, бабушка поставила чашку на блюдце и тихо сказала своим родителям:

— Мы катались на колесе обозрения — Федька просился. Больше всего на свете я боюсь высоты. Вы бы знали, как было страшно! Как не хотела я садиться в кабину!

— Зачем ж ты согласилась? — спросила тетушка Чара.

— Из-за моего страха, глупого и беспричинного, Федя мог лишиться той красоты, которая нам открылась. Небо, горы, море как на ладони. Он увидел, как здесь хорошо и красиво, и запомнит это место таким, захочет потом вернуться.

Федька отпустил кошку, и та скрылась в высокой, наполовину выжженной солнечными лучами траве. Оттуда выпорхнула разноцветная бабочка, взмахивая узористыми крылышками. Она опустилась на Федин рюкзак, видимо приняв его за большой цветок. Осторожно, чтобы ее не спугнуть, он приблизился к бабочке и уже протянул руку и едва не коснулся, но она улетела.

Федя чихнул, на мгновение зажмурив глаза.

— Нам пора, — услышал он голос мамы.

— Как?! Еще рано!

— Чайник уже на плите, — ответила мама. — Попрощайся с прадедушкой Васей.

Старик подошел к нему и развел в стороны руки. Федя обнял его и перевел взгляд на тетушку Чару.

— Поцелуй прабабушку, — сказала мама.

— Шо я вам говорила? — погрозила ей пальцем старушка.

Она пригнулась и заключила Федю в объятия, а он прикоснулся губами к покрытому морщинами лбу.

— Возвращайся, — попросила она, — будем ждать!

Мама взяла его за руку, а баба Валя и ее родители остались стоять на крыльце. Он услышал резкий и грубый свист, в последний миг успел заглянуть в бабушкины глаза. Баба Валя улыбалась ему.

Кто-то выключил газ на плите, и чайник умолк. Федор поднялся с кровати, оделся и вышел из спальни. На кухне, помешивая в кружке растворимый кофе, сидела мама. Он подошел к ней и обнял.

— Ей хорошо, — сказал он. — Она сейчас с тетушкой Чарой и прадедушкой Васей. В той комнате, где тикают ходики.